

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

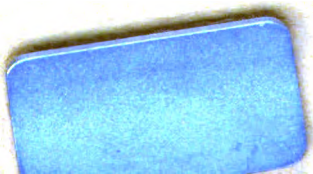
COLUMBIA LIBRARIES OFFSITE

CU55334407

K73 .U93

Dvie bitvy 1177 i 12

ДВѢ БИТВЫ

1177 И 1216 ГОДОВЪ ПО ЛѢТОПИСЯМЪ

И

ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМЪ ИЗЫСКАНІЯМЪ.

Графа А. Уварова.

МОСКВА.

Въ Синодальной Типографіи, на Никольской улицѣ.

1870.

DK
73
U93

Займствовано изъ 2-го т. книги «Труды Московскаго Археологическаго Общества».

Отвѣтственное лицо Гр. А. С. Уваровъ.

Можетъ 22, 1277 544

ДВѢ БИТВЫ

1177 и 1216 годовъ по лѣтописямъ и по археологическимъ изысканіямъ.

Графа А. Уварова.

Для вѣрной оцѣнки заслугъ русской археологіи необходимо взять такое историческое происшествіе, которое только съ помощью археологическихъ изысканій можетъ вполнѣ быть уяснено. Тогда замѣтно будетъ, что подробности, на которыя археологія обращаетъ свои изысканія, не составляютъ излишнее, мелочное изученіе обстоятельствъ, а напротивъ того, что эти именно мелочи не только разясняютъ намъ давно минувшій фактъ, безцвѣтно изложенный на страницахъ лѣтописей, но даже придаютъ ему свѣжесть современнаго происшествія. Для такого результата не надо пренебрегать тѣмъ запасомъ свѣдѣній, которыя вносятся въ исторію археологическими изысканіями.

Любопытнымъ примѣромъ такого уясненія лѣтописныхъ сказаній посредствомъ археологическихъ изысканій могутъ служить объ Липецкія битвы 1177 и 1216 года. Доселѣ самая мѣстность, называемая въ лѣтописяхъ «Липцы», не точно еще была опредѣлена, и всѣ безъ исключенія довольствовались тѣмъ, что догадывались, что Липцы находились не далеко отъ Юрьева-Польскаго, въ Владимірской губерніи. Сколько ни старался уяснить этотъ предметъ почтенный нашъ сочленъ М. П. Погодинъ, но изъ его словъ видно, что Арцебышевъ ближе всѣхъ подошелъ къ истинѣ, хотя не опредѣлилъ настоящаго положенія этой мѣстности ⁽¹⁾.

Когда въ продолженіи 1852 года мы имѣли случай, при содѣйствіи нашего сочлена К. Н. Тихонравова, извѣстнаго знатока владимірскихъ

(1) *Исследования*. IV. стр. 282—283; 289.— Арцебышевъ. Кн. II. Прим. 1317, 1854.

древностей, изслѣдовать курганы Юрьевского уѣзда, тогда, между прочимъ, мы попали на точный слѣдъ всей мѣстности, прозванной Липицами. Разспрашивая народъ о названіяхъ разныхъ урочищъ, мы увидѣли, что память его сохранила еще свѣжо многія изъ древнихъ названій, при чемъ раскопки самыхъ мѣстностей пояснили намъ все остальное. Онѣ, вопервыхъ, намъ доказали, что битва 1177 года происходила на совершенно другой мѣстности чѣмъ битва 1216, почему мы должны изслѣдовать эти битвы отдѣльно одна отъ другой.

Во всѣхъ спискахъ лѣтописей, почти безъ исключенія, подъ 1177 годомъ упоминаются рѣчки Къза и Липица, которыя прежде всего необходимо точно опредѣлить.

Къза, Хза доселѣ носитъ названіе *Гза*, — названіе, употребляемое въ Воскресенскомъ и Никоновомъ спискахъ, и вытекаетъ на востокъ отъ села Вындона, Юрьевского уѣзда, протекаетъ съ сѣвера на югъ чрезъ село Юрково, мимо Юрьевой горы, и падаетъ съ лѣвой стороны въ Колокшу, у самого уѣзднаго города Юрьева (см. карту). Другая рѣчка, извѣстная въ старинѣ подъ именемъ Липицы, теперь называется Липня, вытекаетъ за селомъ Лучинскимъ, того же уѣзда, направляясь сначала къ сѣверу, потомъ у села Новаго поворачиваетъ на востокъ, и, протекая у селъ: Парисы, Крапивья, Шелебова, Осановца, близъ урочища Елки, впадаетъ у села Володятина съ лѣвой стороны въ рѣку Ирмизь.

Опредѣливъ теперь эти двѣ рѣчки, обратимся къ разсказу лѣтописей (1) о битвѣ 1177 года. Ростовцы и бояры Ростовскіе, не дождавшись еще вѣрнаго извѣстія о кончинѣ Михаила Юрьевича, послѣдовавшей 20 іюня 1177 года, послали въ Новгородъ за княземъ Мстиславомъ Ростиславичемъ. Мстиславъ послѣшилъ пріѣхать въ Ростовъ и, наскоро собравъ войско, пошелъ ко Владиміру, желая занятіемъ этого города, предупредить избраніе другаго князя на мѣсто умирающаго Михаила. Но онъ ошибся въ расчетъ, потому что Владиміры, немедленно по кончинѣ Михаила, цѣловали крестъ брату его Всеволоду Юрьевичу (большое гнѣздо) и «по дѣтехъ его», такимъ образомъ

(1) П. С. Л. I. 161. *Лаврентіевскій с.* Подробное описаніе; «къ Юрьеву»; «переѣхавъ рѣку Къзу». «у Липицы,» «поле Юрьевское» убиты: Добрыня Долгый и Иванко Степановичъ.

П. С. Л. IV. 14. *Новгородская четвертая лѣт.* Такое же почти подробное описаніе какъ въ Лаврент. спискѣ; тѣ же названія. Упомянувъ о третемъ убитомъ, о Матвѣѣ Шибутовичѣ.

П. С. Л. VII. 93. *Воскресенскій списокъ*, то же что въ Лаврент. спискѣ, — «рѣка Гза» *Лѣтоп. Переяслав. Суздаль.* 89. Подробно какъ въ Лаврент. и Воскресен. спискахъ. *Никонов. списокъ II.* 233. Подробно какъ въ Лаврент. спискѣ; тѣ же свѣдѣнія, только прибавлено: «ступившася у Юрьева межъ Гзы и Липицы».

П. С. Л. III. 16. *Новгородская 1-я*; нѣтъ подробностей, и даже мѣсто не названо.

Соб. Врем. I. 204; нѣтъ подробностей; сказано «у Липицы», «поле: Юрьевское».

самъ Всеволодь, узнавъ о прїѣздѣ племянника въ Ростовъ, успѣлъ съ Владимірцами двинуться къ нему на встрѣчу къ Суздалью, пославъ на всякій случай племянника Ярослава Мстиславича (краснаго) за Переяславцами. Тутъ, изъ Суздали, Всеволодь сдѣлалъ попытку къ примиренію съ Мстиславомъ. Онъ отправилъ къ нему посла и велѣлъ сказать: «Брате! оже ты привели старѣйшая дружина, а поиди Ростову, а оттолѣ миръ възмевѣ; тебе Ростовци привели и бояре, а мене, съ братомъ, Богъ привелъ и Владимирци; а Суждаль буди нами обче, до кого всхотять, то имъ буди князь». Но Ростовцы и бояре, въ особенности Добрыня Долгый и Матвѣй Бутовичъ, отсовѣтовывали Мстиславу мириться съ дядею, говоря: «аще ты миръ даси ему, но мы ему не дамы». Получивъ отказъ на свое предложеніе, Всеволодь поѣхалъ въ Юрьевъ, на встрѣчу Переяславцамъ. По прибытію ихъ и онъ объявилъ имъ о причинѣ войны. Переяславцы отвѣчали: «Ты ему добра хотѣлъ, а онъ головы твоея ловить, поѣди, княже, къ нему; яко ни въ что же имамы животъ свой за обиду твою, и не дай ны Богъ ни единому возвратися, аще ны отъ Бога не будетъ помощи; насъ переступивъ мертвыхъ, да оно ему жены наша идѣти наши; брату твоему Михалку умершу, еще девятого дне нѣтуть, а онъ хочеть кровь прольяти».

27 Іюня, на память св. Самсона Страннопримца, рано утромъ, [въ субботу] Всеволодь вышелъ изъ Юрьева, переѣхалъ рѣку Гзу, и въ полномъ боевомъ порядкѣ, «полки нарядивъ», двинулся на встрѣчу Мстиславу. Между тѣмъ и Мстиславъ уже шелъ на Всеволода, вѣроятно по Ярославской дорогѣ, со стороны Гавриловскаго посада, и, чтобы достигнуть Юрьева, долженъ былъ идти вдоль рѣки Липицы. Онъ первый явился на полѣ битвы, и потому въ лѣтописяхъ сказано: «до снѣвъ, стояше у Липицы», т. е. остановился у верховьевъ рѣчки Липицы, гдѣ теперь находится село Лучинское. За тѣмъ самая битва, судя по движеніямъ обоихъ войскъ, должна была произойти между рѣчками Зою и Липицею, на что прямо указывается въ Никоновомъ спискѣ: «и сступишася у Юрьева межъ Гзы и Липицы». Мстиславъ стоялъ у верховьевъ Липицы, а Всеволодь, перешедши Гзу, прямо шелъ на него, слѣдовательно пространство между селами: Даниловскимъ, Киноболомъ, Кубаевымъ, Лучинскимъ и Куминымъ должно было служить полемъ битвы, а какъ это поле отстоитъ отъ Юрьева всего на четыре версты [село Кумино], то выраженія лѣтописи: «и покрыша поле Юрьевское» совершенно правильно и точно. Послѣ этихъ свѣдѣній о первоначальномъ положеніи обоихъ войскъ, лѣтописи сообщаютъ еще менѣе подробностей о постепенномъ ходѣ битвы; онѣ говорятъ только, что

сначала сошлись передовые отряды: «стрѣльцемъ стрѣляющимъ межъ полкома», а потомъ уже самые полки двинулись другъ на друга на рысяхъ: «подоша къ собѣ на груняхъ обои и покрыша поле Юрьевское». Всеволодъ совершенно разбилъ Мстислава, который съ дружиною бѣжалъ къ Ростову. Потеря съ его стороны была весьма незначительна, потому что кромѣ убитыхъ трехъ бояръ: Добрыню Долгаго, Иванка Степановича, Матѳея Шибутовича «и инѣхъ», а Ростовци и бояръ всѣ повязаша, а у Всеволодова полку не бысть пакости». Такимъ образомъ большая часть Ростовцевъ была взята въ плѣнъ, и число плѣнныхъ превышало число убитыхъ. Поле битвы осталось за Всеволодомъ, а потому Владимірцы его позаботились о погребеніи убитыхъ.

Послѣ разсказа лѣтописи, остается рассмотреть, что намъ уяснили и доказали раскопки кургановъ этой мѣстности. Самый центръ обозначеннаго нами поля битвы, между селами Даниловскимъ на сѣверѣ и Куминимъ на югѣ, занятъ былъ группою кургановъ (с), лежащихъ на лугу села Кинобола, прозываемомъ Селищемъ. Тутъ, кромѣ четырехъ кургановъ, возвышался еще холмъ, который былъ изслѣдованъ 15 іюля 1852 года. Курганы самой разнообразной величины имѣли отъ 17 до 142 аршинъ въ окружности и отъ 1 $\frac{1}{2}$ до 3 аршинъ вышины. (№ 1: 34 $\frac{1}{2}$ арш. окруж.; 2 арш. выш.—№ 2: 19 арш. окруж.; 1 $\frac{3}{4}$ арш. выш.—№ 3: 17 арш. окруж., 1 $\frac{1}{2}$ арш. выш. № 4: 142 арш. окруж.; 3 арш. выш.) Въ первомъ курганѣ отрыты кости животныхъ, вѣроятно лошадиныя. Во второмъ, кажется, былъ человѣческій остовъ, совершенно истлѣвшій; при немъ найдено одно желѣзное кольцо. Въ третьемъ также ничего не найдено, кромѣ маленькаго желѣзнаго копья. Наконецъ четвертый курганъ оказался общею могилою, въ которую зарыли убитыхъ послѣ битвы. По снятіи съ него дерна, въ верхнемъ слое земли нашли три обломка какого-то образа (св. Николая?), сдѣланнаго изъ бѣлой глины; затѣмъ, на глубинѣ 3 аршинъ, отрыто 29 остововъ. Три изъ нихъ лежали особо въ трехъ гробахъ, обращенныхъ на востокъ и съ сложенными на груди руками. У нихъ на головахъ попадались остатки золотого позумента, вѣроятно отъ обшивки боярскихъ шапокъ или мурмолокъ; у шеи найдены золоченныя пуговицы [всего пять], которыя, вѣроятно, по двѣ были пришиты къ вороту сорочки, и сверхъ того при одномъ изъ этихъ трехъ остововъ сохранился небольшой кусочекъ кожи отъ сапога или пояса. Остальные 26 остововъ были сложены въ груды, безъ всякаго порядка и въ разныхъ направленіяхъ. У одного изъ нихъ найденъ на пальцѣ перстень, а возлѣ уха—кольцо. Тутъ же лежали: часть рукоятки отъ меча, желѣзная дужка, желѣзная отвертка съ ушкомъ, гвоздь и двѣ кости.

ныя иглы. Судя по этому кургану, видно, какъ послѣ битвы спѣшили хоронить убитыхъ, довольствуясь 3—аршинной глубиною для такой общей могилы. При этомъ любопытно замѣтить, что 26 оставовъ были кое-какъ сложены въ могилѣ, между тѣмъ какъ для трехъ изъ нихъ сдѣлали исключеніе,—положили въ гроба, сложили руки и поставили по направленію къ востоку. Эти три гроба содержали навѣрно тѣла трехъ убитыхъ бояръ: Добрыни Долгаго, Иванки Степановича и Матѣея Шибутовича (по Новгородской 4-й лѣтописи: стр. 14), которые, какъ бояре, были членами старѣйшей или первой дружины Мстислава Ростиславича. Иванко Степановичъ является между врагами Всеволода Юрьевича, а отецъ его, бѣжавшій къ Ростиславичамъ, уже обвинялся Андреемъ Боголюбскимъ: «выдайте или Григоря Хотовича, и Степаньца и Олексу Святославца, яко тѣ суть уморилѣ брата моего Глѣба; а то суть ворози всѣмъ намъ». Ростиславичи не выдали Степаньца (П. С. Л. II, 108.—Погодинъ. Исслѣд. VII, 99, 117). Добрыня Долгый вмѣстѣ съ Матвѣемъ Бутовичемъ принадлежалъ къ Ростовскимъ боярамъ. О Бутовичѣ М. П. Погодинъ полагаетъ, что онъ былъ полякъ (*ibidem*. стр. 125); къ такой же народности вѣроятно принадлежалъ и Ростовскій бояринъ Матвѣй Шибутовичъ.

Послѣдняя насыпь, такъ называемый холмъ не былъ срытъ весь, а изслѣдованъ пробными канавами, изъ которыхъ инныя имѣли до 43 аршинъ длины и 4 аршинъ ширины. Такихъ канавъ проведено пять, и всѣ онѣ доказали, что холмъ былъ насыпанъ не надъ могилою, а насыпанъ на поверхности земли, надъ грудю убитыхъ коней и разнаго разломаннаго оружія. Лошадиныя кости лежали на поверхности земли 1½ аршина въ глубину насыпи. Въ другомъ мѣстѣ, на глубинѣ аршина, найдены 5 желѣзныхъ ножиговъ, желѣзная дужка съ ушкомъ, каменная пронизка и маленькое желѣзное кольцо.

Въ третьей канавѣ, на глубинѣ 2 аршинъ, нашли обломокъ сѣкиры или бердыша, два ножика, желѣзную вилку, пробой, шило и пилку. Всѣ эти лошадиныя кости вполнѣ подтверждаютъ лѣтописи, представляющія эту битву, какъ дѣло между конницами: «на груняхъ».

Остальные курганы, которые были разрыты близъ селъ: Кубаева, Даниловскаго и Кумина, принадлежатъ къ древнѣйшей эпохѣ, когда еще сожигали покойниковъ, и слѣдовательно не относятся къ битвѣ 1177 года.

Если теперь со вниманіемъ разсмотримъ то, что найдено въ этихъ боевыхъ курганахъ, насъ прежде всего поразитъ почтеніе, выказанное даже непріятелями къ убитымъ. Согласно древнѣйшему преданію славянскихъ народовъ, Владимірцы считаютъ священною обязанностию

хоронить убитыхъ воиновъ Мстислава. При этомъ навѣрно они соблюли правило исполнить этотъ долгъ еще до захождения солнца, потому что только занѣсколько лѣтъ до этого происшествія это же самое правило было подробно разъяснено Новгородскимъ епископомъ Нифонтомъ († 1156 (1)).

Несмотря на необходимую поспѣшность при погребеніи, Владиміръцы все-таки положили тѣла убитыхъ бояръ отдѣльно, въ гробахъ, согласно ихъ сану, откуда можно заключить, что гроба имѣли какое-то значеніе особаго уваженія или вниманія къ покойнику; отъ того сказано, что по смерти Андрея Боголюбскаго, Арсеній игуменъ Козьмодеміанскій предложилъ: «вложимъ ѱ (тѣло Андрея) въ буду, любо си въ гробъ» (П. С. Л. II, 115). Найденные на головахъ остатки позумента доказываютъ, что хоронили въ шапкахъ. Шапка, какъ мы знаемъ, не снималась ни въ комнатѣ, ни даже въ церкви. Ярославъ Владиміровичъ Галицкій принялъ посла «сѣдяща на отни мѣстѣ въ черни мятли и въ клобуцѣ, такоже и вси мужи его» (П. С. Л. II, 72). Въ 1071 году, когда перенесли мощи св. Бориса и Глѣба, митрополитъ Георгій благословилъ всѣхъ присутствующихъ князей: «и начаша пѣти св. литургию. И рече Святославъ ко Брънови: нѣчто мя на главѣ бодеть, и сня клобукъ». (П. С. Л. VII, 341). То же самое видимъ мы и въ рукописномъ житіи Бориса и Глѣба XIV вѣка, въ которомъ оба мученика лежатъ въ гробу въ шапкахъ. Вызолоченныя пуговицы у ворота сорочки неудивительны для бояръ, которые отличались отъ другихъ воиновъ богатствомъ одежды: «аще и золотомъ шито облечье будетъ убій, да не оставимъ ли одинаго же живаго», говорилъ Князь Ярославъ (П. С. Л. I, 213).

Возвращаясь еще разъ къ полю битвы 1177 года, замѣтимъ что, опредѣливъ съ точностію поле, мы этимъ самымъ и пояснили себѣ настоящій смыслъ выраженія, употребленнаго при описаніи прихода Мстислава Ростиславича: «доспѣвъ стояще у Липиць». Извѣстно, что Русскіе не любили останавливаться въ неукрѣпленномъ станѣ (2), на серединѣ чистаго поля. То же самое сдѣлалъ и Мстиславъ. Подходя вдоль рѣки Липицы къ Юрьеву, онъ остановился у верховьевъ ея, которыя служили ему защитой съ тыла, между тѣмъ какъ ручеекъ Тинья спереди охранялъ его войска отъ внезапнаго нападенія. Сверхъ того и лѣсистая тутъ мѣстность могла также служить удобною защитой при расположеніи войска; по этимъ причинамъ Мстиславъ по необходимо-

(1) Памят. XII вѣка, стр. 187, 192—193, 200.

(2) П. С. Л. I, 186 по Лаврентіев. списку подъ 1217 годомъ нѣтъ подробностей, а сказано только: «бѣшася у Юрьева и одолѣ Константианъ».

Тамъ же. 212—214. Въ Троицкомъ спискѣ описано очень подробно.

сти долженъ былъ остановиться между Липицею и Тинью и ждать на этомъ мѣстѣ непріятеля.

Война 1216 года, окончившаяся битвою между Авдовою и Юрьевою горами, вызываетъ во всѣхъ лѣтописяхъ единодушный порывъ негодованія и удивленія ⁽¹⁾: «Оле страшно и дивно, братье! поидоша сынове на отца, а отци на дѣти, братъ на брата, рабы на господина, а господинъ на рабы». Дѣйствительно, въ этой войнѣ семейства раздѣлились на двѣ стороны, враждебныя между собою: на одной сторонѣ дѣти Всеволода Юрьевича, Ярославъ, Юрій, Владиміръ и Святославъ; на другой сторонѣ дядя ихъ Мстиславъ Мстиславичъ Торопецкій и тесть Ярославъ Всеволодовичу, родной ихъ братъ Константинъ Всеволодовичъ, и братья и родные Мстислава. Половина гражданъ Новгородскихъ послѣдовала за Мстиславомъ, а другая половина приняла сторону Ярослава. Такое отношеніе враждебныхъ сторонъ и такое родство между предводителями войскъ долго удерживали ихъ отъ кровопролитія и побудили къ тѣмъ переговорамъ о мирѣ, которые занимаютъ всю первую часть этой грустной, семейной драмы.

Мстиславъ Мстиславичъ, соединившись съ Княземъ Константиномъ Всеволодовичемъ Ростовскимъ, находился 16 числа апрѣля подъ Переяславлемъ-Залѣвскимъ. Здѣсь онъ захватилъ человѣка, отъ котораго узналъ, что Князь Ярославъ Всеволодовичъ съ Новгородцами и Новоторжанами отправился уже къ брату своему Юрію, который, съ своей стороны, вмѣстѣ съ остальными братьями, Владиміромъ и Святославомъ, выступилъ изъ Владиміра ему на встрѣчу. За Юріемъ шло большое войско, набранное изъ Муромцевъ, Бродниковъ, Городчанъ и изъ всей силы Суздальской земли: «бѣшетъ бо погнано и изъ поселей ѹ до пѣсльца». Откуда видно, что тотъ, у котораго не было лошади, пошелъ пѣшкомъ. Князь Ярославъ, встрѣтившись съ братьями, вѣроятно, въ окрестностяхъ города Юрьева, остановился съ ними на сѣверѣ отъ города у рѣки Гзы. Ожидая непріятеля съ двухъ сторонъ, — или со стороны Переяславля, или со стороны Ростова, — Ярославъ и Юрій выбрали мѣсто, укрѣпленное самою природою. Они прислонились къ Юрьевой горѣ и тыломъ стали къ рѣкѣ Гзѣ, на урочищѣ, доселѣ извѣстномъ въ народѣ подъ именемъ Липицы. Правая ихъ сторона

(1) П. С. Л. III. 34. *Новгородская 1-ая Лѣт.* Разказано очень кратко, но, безъ сомнѣнія, приверженцемъ Мстислава Мстиславича; о бѣгствѣ Ярослава и Юрія употреблено выраженіе «вда плещи». П. С. Л. IV. 21, 25. *Новгородскія 4-ая.* Подробно какъ въ Троицкомъ спискѣ.

П. С. Л. VIII. 121—123. *По Воскресен. списку* не такъ подробно какъ въ Троиц. и въ 1-й Новгород. *Собійск. грам.* I, 221—226—подробно.

Никонов. спис. кн. II, 323 — 332, — подробно и съ повдѣйшими прибавками.

была защищена лѣсистою мѣстностью, которою протекаетъ на югъ рѣка Гаа, между тѣмъ какъ лѣвая сторона прикрывалась горою Чуваксою. Передъ ними, до самыхъ верховьевъ рѣки Липицы, разстилалось ровное мѣсто, на которомъ они и ожидали неприятеля. Ярославъ и Юрій стояли уже на занятомъ ими положеніи, когда пришелъ Мстиславъ съ другими князьями. Немедленно, по принятому тогда обыкновенію, Мстиславъ распорядился пресѣчь всякое сообщеніе между войскомъ Ярослава и Юрія и городомъ Владиміромъ, что называлось загнать или захватить ⁽¹⁾. Для этой цѣли онъ растянулъ все войско отъ города Юрьева до верховьевъ рѣки Липицы: «Князь Мстиславъ и Володимиръ съ Новгородцы постависта свои полки близъ Юрьева, и ту стояста, а князь Константинъ далече стояше съ своими полки, на рѣцѣ Липицѣ» -

Увидѣвши крѣпкое положеніе Владимірскаго войска, князья послали сотскаго Ларіона сказать князю Юрію Всеволодовичу: «Кланяемся, нѣту намъ съ тобою обиды, обида намъ съ Ярославомъ». На что Юрій отвѣчалъ: «едины есмя братья съ Ярославомъ», и этимъ совершенно прекрѣтилъ попытку отдѣлать его отъ брата. Потерявъ такую надежду, князья обратились тогда къ Ярославу и послали чрезъ того же сотскаго Ларіона сказать ему: «пусти мужи Новгородци и Новоторжъци, что еси зашелъ волости Новгородскіа Волокъ въспяти, а миръ съ нами възми, а крестъ къ намъ цѣлуй, а крови не проливай». На такое предложеніе Ярославъ отвѣтилъ: «мира не хочу, а мужи у мене; а далече есте шли и вышли есте акы рыба на сухо». Ларіонъ передалъ отвѣтъ Ярослава князьямъ, которые все-таки рѣшились послать къ Ярославу и Юрію еще «последнюю рѣчь»: «Мы пришли есмя, брате князь Юрьи и Ярославе, не на кровопролитіе, крови не дай Богъ «створити, да до того управимся; мы есми племенницы себѣ, а дадимъ «старѣйшинство князю Костянтину, а посади ѹ въ Володимерь, а «вамъ земля Суздальская вся». Въ этомъ последнемъ предложеніи просвѣчиваетъ вліяніе Мстислава и непріязнь его къ своему зятю Ярославу; подъ предлогомъ мира, онъ хотѣлъ удалить Ярослава изъ Новгорода. Отъ того князь Юрій въ своемъ отвѣтѣ очень ловко отдѣлилъ цѣли Мстислава отъ желаній князя Константина: «Рци братьѣ моей, княземъ Мстиславу и Володимеру: пришли есте, да куды хотите отйти. А брату князю Костянтину молви: перемоча насъ, тобѣ вся земля». Въ Воскресенскомъ спискѣ иронія Юрія сильнѣе высказана: Ръци братьѣ моей, княземъ Мстиславу и Володимеру, да еще отецъ

(1) *Поводитъ, Изслѣд.* VII. 274, приводитъ изъ лѣтописей примѣры такой тактики.

нашъ съ Костянтиномъ не управилъ, то вы ли хотите насъ съ нимъ умирить? но пойдете на неже есте пришли; а брату нашему Костянтину тако рѣчи: егда одолѣешь намъ, тогда тобѣ вся земля». «Тако князья възнеслися славою—видѣвши у себѣ силу велику», замѣчаетъ лѣтописецъ. На этомъ прекращены были всѣ переговоры о мирѣ, но между боярами, окружающими Ярослава и Юрія, сужденія объ этомъ не прекратились. Предложенія о мирѣ нашли себѣ приверженцевъ въ дружинахъ Всеволодовичей; и, какъ видно, пока князья пировали въ шатрѣ съ боярами, рѣчь о мирѣ не переставала. Бояринъ Творимиръ (Новгород. 4-ая стр. 22), названный Андреемъ Станиславичемъ въ Никоновомъ спискѣ (кн. II. стр. 325), убѣждалъ ихъ мириться: «Твори миръ, князь Юрьи и Ярославе, меншаа братья въ вашей волѣ; оже бы по моему гаданію, луче бы миръ сътворити и дати старѣйшинство князю Костянтину: ци зримъ, оже при нашихъ полцѣхъ тѣхъ мало Ростиславля племяни, да князи мудри суть и рядни и хоробри, а мужи ихъ Новгородци и Смоленяне дерзи къ боеви, а Мстислава Мстиславича и сами вѣдаета въ томъ племяни, оже дана ему отъ Бога храбрость изо всѣхъ; а господина, гадайтѣ». На это лѣтописецъ прибавляетъ: «и не любѣ бысть рѣчь си князю Юрью и Ярославу» (*). Кто-то изъ бояръ князя Юрья предложилъ совершенно противоположное: «Княжи Юрьи и Ярославе! не было того ни при прадѣдѣхъ, ни при дѣдѣ, ни при отцѣ вашемъ, оже бы кто вшелъ ратью въ сильную землю въ Суздальскую оже вышелъ цѣлъ, хотя бы и вся Русская земля, и Галичская и Кіевская и Смоленская и Черниговская и Новгородская и Рязанская, никако противу сей силѣ успѣють, аже нынѣшніи полци, право наверхемъ ихъ сѣдлы». Такая хвастливая рѣчь понравилась князьямъ и порѣшила вопросъ о битвѣ. Тогда князья собрали всѣхъ бояръ «и первыя своя люди» и сдѣлали распоряженія для сраженія, при чемъ князья дали жестокой приказъ—нещадить никого, ни бояръ ни князей: «Се пришелъ бы товаръ въ руки, вамъ же буди кони, брони, порты: а человекѣ оже кто иметь живаго, то самъ будетъ убитъ; аще и золотомъ шито облечье будетъ—убій, да не оставимъ ни единаго же живаго; аще кто изъ полку утечетъ—не убитъ, имемъ, а тѣхъ вѣшати или распинати; а о князѣхъ, оже будутъ у насъ въ рукахъ, то сгадаемъ». За тѣмъ князья отпустили дружины и вошли въ особый шатеръ, гдѣ между собою начали дѣлать города. Тутъ князь Юрій сказалъ, обращаясь къ брату: «Мнѣ, брате княже Ярославе, Володимерская земля и Ростовская; а тебѣ—

(*) Бояринъ такого же имени встрѣчается подъ 1171 годомъ. Погодина, Исслѣд. VII. 115.

«Новгородъ, а Смоленскъ—брату нашему Святославу, а Кіевъ дай Черниговскимъ княземъ, а Галичь намъ же». Предложеніе это было принято, они цѣловали крестъ между собою и написали грамоты объ этомъ раздѣленіи городовъ, чтобы «того не преступати». Эти грамоты, замѣчаетъ лѣтописецъ, «взяша Смолняне по побѣдѣ въ станѣхъ Яросла-влихъ и даша своимъ княземъ». Окончивши раздѣлъ и подписавши грамоты, князья Юрій и Ярославъ «начаста позывати къ Липицамъ на бой».

Всѣ эти переговоры о мирѣ, семейныя совѣщанія и дѣлежы русскихъ городовъ заняли весь день 19 апрѣля, и, какъ видно изъ разсказа лѣтописей, они только поздно вечеромъ начали «позывати къ Липицамъ на бой». Самыя эти слова для насъ очень важны, во-первыхъ, потому что доказываютъ, что тутъ Липицы, суть именно то урочище, на которое мы выше указали, а отнюдь не могутъ означать самую рѣку Липицы, ибо на ней стояло правое крыло напріятельскаго войска, подъ начальствомъ князя Константина Ростовскаго; вовторыхъ, призывать непріятеля на бой къ Липицамъ, значило, что князь Юрій и Ярославъ избрали эту мѣстность для битвы, какъ мѣстность самую выгодную для себя, и съ этою же цѣлью особенно укрѣпили ее.

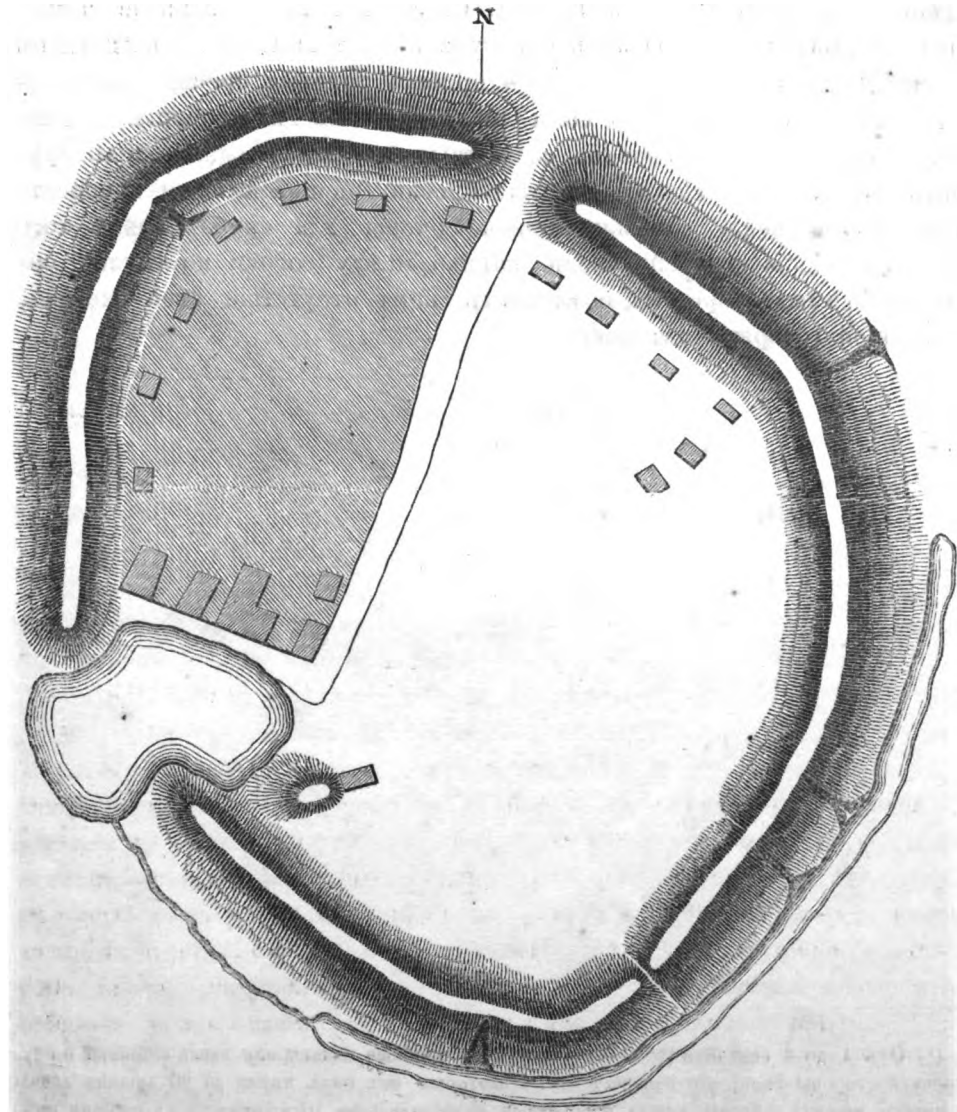
Урочище Липицы и станъ Всеволодовичей, какъ мы видѣли, находились у подошвы Юрьевой горы; но это первое расположеніе войска служило только для заманки непріятеля на настоящее поле битвы, которое, по распредѣленію князей, было выбрано между Юрьевой и Авдовой горами. Эти двѣ горы съ юга и сѣвера, а третья гора Бурчиха съ запада окружають пространную долину, на которой теперь выстроена деревня Числовское городище.

Ручеекъ, вѣроятно тотъ самый, о которомъ сказано въ лѣтописяхъ: «а ручей посреди тоя горы имя Тунегъ», доселѣ протекаетъ между этими тремя горами. На срединѣ долины сохранилось временное укрѣпленіе или твердь, состоящая изъ круглопродолговатаго мѣста, обнесеннаго валомъ. Со стороны юга или Юрьевой горы валъ идетъ вдоль самага ручейка Тунега, и даже воспользовались маленькимъ озеромъ, образуемымъ этимъ ручейкомъ для укрѣпленія южной стороны тверди. Съ сѣверной стороны, обращенной къ Авдовой горѣ, оставленъ между валами довольно обширный входъ. Самый валъ имѣетъ отъ 4 до 5 аршинъ вышины. Эта твердь въ долинѣ, «въ дебри» между горами, описывается подробно въ лѣтописяхъ. «Твердь бѣше бо плетениемъ оплетено то мѣсто и насовано коля». Устройство подобныхъ твердей было принято въ случаѣ пораженія, чтобы, остановивъ въ немъ войско, устоять противъ натиска непріятеля. Такимъ образомъ мы видимъ, что въ 1152

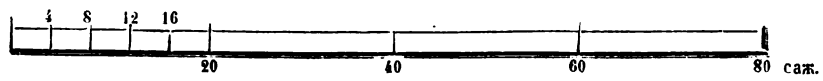
ГОРОДОКЪ

ВЪ СЕЛѢ ЧИСЛОВСКИХЪ ГОРОДИЩАХЪ,

ЮРЬЕВСКАГО УЪЗА.

Масштабъ въ англійскомъ дюймѣ 20 сажень.

году Владиміръ Галицкій, не надѣясь остановить войско короля Венгерскаго на чистомъ полѣ, «въступи назадь, за твердь ста» (П. С. Л. II, 67). Вѣроятно эта твердь была устроена по приказанію Ярослава Всеволодовича, потому что, какъ видно изъ лѣтописей, въ эту же войну, тотъ же самый князь устроилъ другую твердь, слѣдовательно такая мѣра была ему обычная (П. С. Л. IV, 21). Разрытіе самаго вала (*) показало ясно, какъ приступали къ такимъ постройкамъ. По снятіи дерна нашли на глубинѣ 4 аршинъ толстыя бревна, положенныя поперегъ вала, надъ ними въ одномъ мѣстѣ сохранились еще слѣды сруба въ три бревна, сложенныя въ длину одинъ надъ другимъ. Каждая три сажени толстыя бревна, расположенныя поперегъ, или внутри вала, служили точкою опоры для сруба. Кромѣ того всѣ эти бревна сплетены были крѣпко между собою; но гнилое состояніе самыхъ бревенъ объясняетъ намъ отсутствіе этой плетени, о которой говорятъ лѣтописи.

(*) Отъ 1 до 4 сентября (1852 года) проводили пробныя канавы или вдоль внѣшней и внутренней стороны вала, или поперегъ его. Нѣкоторыя изъ нихъ имѣли до 80 аршинъ длины и четыре аршина ширины; другія, поперечныя, углублялись на 10 аршинъ, а въ ширину имѣли до 14 аршинъ. Но, не смотря на всѣ эти работы, находки были самыя ничтожныя. Важнѣйшее при этомъ было изученіе устройства тверди. При разрытіи самаго вала найдены: ножики, обломки желѣза и мѣди, глиняный катокъ, гладильная кость и каменные ядра, остатки вѣроятно польскаго нашествія. Внутри тверди открыты: каменная проныва, желѣзный пруть, желѣзная пряжка и ножики. У самаго вала были находимы человѣческія кости, но не въ слишкомъ большомъ количествѣ.

237

08047448

08047448

IN ENTRY

DATE DUE

DATE DUE

~~NOV 1977~~

INSERT

BOOK CARD

PLEASE DO NOT REMOVE
A TWO DOLLAR FINE WILL
BE CHARGED FOR THE LOSS
OR MUTILATION OF THIS CARD

27 28 29 30 31 32 33 34 35 36 37 38 39 40 41 42 43 44 45 46 47 48 49 50 51 52 53 54 55 56 57 58 59 60 61 62 63 64 65 66 67 68 69 70 71 72 73 74 75 76 77 78 79 80
PRINTED IN U.S.A.

